

Цзян Ли перевернулся на кровати. Последние два дня выдались на редкость суматошными: из-за Первомайских праздников в зоомагазине, где он подрабатывал, было не протолкнуться, а поскольку, кроме владельца, он был единственным сотрудником-студентом, работы хватало с избытком.

Стоило праздникам закончиться, как Цзян Ли ощутил себя выжатым лимоном. Вернувшись домой, он едва коснулся подушки, как провалился в глубокий сон.

Возможно, от переутомления, но ему показалось, что постель подозрительно мягкая — точно облако. Однако Морфей не желал отпускать свою добычу, и Цзян Ли продолжал сладко спать.

Когда он наконец открыл глаза, то сразу почувствовал неладное.

Он лежал в роскошных, просторных покоях, на огромной кровати, скрытой за плотными темными пологам. Цзян Ли долго возился в мягком пуховом одеяле, прежде чем высунул наружу растрепанную голову. Наконец, он увидел свет, но тут же замер, а от неожиданности едва не кувыркнулся с кровати.

Сквозь прорези в жемчужных занавесях пробивались тусклые лучи, падая на лицо юноши, в котором растерянность смешивалась с ужасом.

Голова гудела. Неужели сон может быть настолько пугающе реальным? Цзян Ли стало не по себе. В памяти всплыли жуткие городские легенды: призраки, способные задушить собственными волосами, мстительные духи из старых колодцев... Нет, хватит! От этих мыслей по спине побежали мурашки.

Про себя он принялся твердить список социалистических ценностей, надеясь на спасение, и, как трус, снова зарылся под одеяло, плотно зажмурившись. Согласно его богатому опыту чтения ужастиков, лучше не покидать безопасную зону, иначе не миновать беды.

— Ваше высочество, ваше высочество, пора вставать! Если вы не подниметесь, государыня придет лично! — пухлое личико Шуанси, заглянувшего за полог, выражало такое отчаяние, что он вот-вот готов был разрыдаться.

Услышав этот голос, Цзян Ли затаил дыхание, боясь пошевелиться. Лишь когда легкие начало жечь от нехватки воздуха, он осторожно вдохнул.

Шаги приближались. Цзян Ли уставился на украшение у изголовья, напоминавшее крест, и в панике подумал: бояться ли призраки из его мира иностранных символов? В тот момент, когда чья-то рука потянулась раздвинуть шторы, резкая боль пронзила голову, и он без чувств рухнул на подушки.

Последней мыслью перед тем, как погрузиться в темноту, было: черт возьми, если он проспит,

то точно опоздает на пары. Надеюсь, друзья прикроют его, но пусть только попробуют заявиться всей толпой, как в прошлый раз, — профессор тогда запомнил его на всю жизнь.

Цзян Ли отключился, но Шуанси, едва успевший приподнять полог, был в панике. Его высочество и раньше любил понежиться в кровати, но стоило упомянуть государыню, как он тут же вскакивал. А сегодня — ни звука, хотя видно было, что он не притворяется.

Когда Цзян Ли пришел в себя во второй раз, в голове царил хаос: чужие воспоминания переплелись в тугой клубок, словно непослушный кот устроил в его сознании беспорядок.

Чья-то мягкая рука легла ему на макушку:

— А-Ли наконец проснулся. Как спалось?

Цзян Ли ошарашенно поднял голову. Еще не до конца соображая, он машинально пробормотал:

— Матушка...

Осознание накрыло позже. Он попал в книгу. И, судя по всему, в тело слабоумного второстепенного персонажа, обреченного на смерть.

Воспоминания прояснились. Он действительно оказался в мире романа — причем невероятно абсурдного и мрачного произведения под названием «Ветер и облака Да Чэня». Цзян Ли постарался забыть тот факт, что вообще читал подобную литературу (детям такое знать не положено).

Сюжет повествовал о том, как главный герой после банкротства компании и нелепой автокатастрофы попал в Великое Ци — государство, которого никогда не было в истории. Он не был знатным вельможей, а лишь нелюбимым принцем маленького варварского княжества. Но это его не остановило: он шел по головам, соблазнял всех вокруг и в итоге захватил Великое Ци, основав новую династию — Да Лян.

В книге было мало политики и много откровенных сцен, где герой на пути к власти поочередно покорял красавиц и красавцев.

Конечно, у главного героя был сюжетный щит. Обладая недюжинными амбициями и выдающимися «мужскими достоинствами», он не желал подчиняться Ци и, узнав о дворцовой интриге с подменой младенца, сделал настоящего наследника Великого Ци своим верным оружием. В конце книги, осознав правду о своем происхождении, настоящий принц попытался убить героя, но потерпел неудачу и покончил с собой в императорской усыпальнице.

Вспоминая всё это, Цзян Ли чувствовал себя страусом, который мечтает спрятать голову в песок. Почему он стал именно этим «фальшивым» принцем-дурачком? Вспоминая, что тот

вытворял под дудку героя... нет, как порядочный человек нового времени, он ощущал лишь жгучий стыд.

Этот фальшивый принц был тем еще простаком: его обманом заставили украсть важнейшие военные документы у императора Ци Сюаня, что привело к полному уничтожению армии Великого Ци в последней битве.

Цзян Ли пребывал в прострации. Пока он витал в облаках, нежная рука снова коснулась его лба:

— А-Ли, милый, скажи матушке, где еще болит? — в глазах Императрицы читалась глубокая тревога.

Цзян Ли привычно уткнулся ей в объятия и пробормотал:

— Матушка, я в порядке.

Но стоило ему это произнести, как Императрица застыла. На его щеку упали горячие капли. Подняв глаза, Цзян Ли увидел, что она плачет. И тут он вспомнил: по сюжету принц был слабоумным с рождения и знал всего два слова — «отец» и «матушка».

В первый же день он выдал себя. Подавив вздох, Цзян Ли стер слезы с лица женщины и тихо произнес:

— Матушка, не плачь.

— Хорошо, матушка не плачет, — голос женщины дрожал, она с трудом сдерживала рыдания и велела Шуанси звать лекаря.

Вскоре в Восточном Дворце появился император Ци Сюань. Высокий, статный, с величественным лицом, он излучал холодную властность, от которой невольно бросало в дрожь.

Не успел Цзян Ли опомниться, как огромная ладонь императора взлохматила его и без того растрепанные волосы, превратив их в полное подобие вороньего гнезда.

Цзян Ли продолжал витать в облаках, реагируя лишь на уровне подсознания. Ци Сюань был типичным властным отцом, и даже слабоумный принц инстинктивно боялся его, не смея сопротивляться, даже когда тот портил ему прическу.

Поймав на себе холодный взгляд Императрицы, Ци Сюань смущенно потер пальцы, будто ничего не произошло, и, обращаясь к лекарю, холодно бросил:

— Чего стоишь столбом? Проверь пульс принца!

Лекарь У был в отчаянии. Он был личным врачом принца и давно считал, что надеяться на его выздоровление бессмысленно. Мальчик был слаб здоровьем и умом, словно ему не хватало души. Казалось, помочь могли только шаманы из Даоссского храма Цинъян.

Разумеется, пульс был слабым, как и всегда. Лекарь уже привык повторять одно и то же:

— Ваше высочество по-прежнему крайне слаб, нужно соблюдать режим питания, в остальном серьезных опасностей нет.

Император и Императрица слушали это уже много лет. Императрица гладила сына по голове, когда вдруг осенилась:

— Только что... А-Ли заговорил со мной. Он позвал меня матушкой и попросил не плакать...

Глаза Императрицы покраснели. Лекарь У решил, что у государыни от горя начались галлюцинации, но под ее умоляющим взглядом вздохнул и обратился к Цзян Ли:

— Ваше высочество...

Цзян Ли был в замешательстве. Он читал множество историй о попаданцах, захватывающих власть, но сам был лишь пушечным мясом. Что ему делать?

Решение пришло само собой: лучше и дальше прикидываться дурачком. Быть глупым удобно: тебя кормят, о тебе заботятся, главное — не вредить этой паре, которая искренне любит своего «сына».

Наступила ночь. Родители поужинали вместе с сыном и ушли. Цзян Ли, совершив все необходимые вечерние процедуры, с комфортом улегся в кровать и вскоре уснул.

В это же время в Юньчэне, в особняке клана Ци, Ци Хуайчжоу проснулся от кошмара. Его лоб был покрыт потом, а глаза пылали неестественной, кровавой яростью.

Грудь тяжело вздымалась. Ци Хуайчжоу сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

Он... вернулся снова. В который раз? Ци Хуайчжоу уже перестал считать.

<http://bllate.org/book/21171/2144738>